"ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика"
N 1–2 (49–50) январь-февраль 2001 г.

Алексей СИМОНОВ,
Президент Фонда защиты гласности

СВОБОДА СЛОВА – "ГОРЯЧАЯ ТОЧКА" СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тезисы доклада на Всероссийском чрезвычайном съезде в защиту прав человека

Существует хорошо известное и на всех языках одинаково трактуемое понятие: "горячая точка".

"Такой "горячей точкой" в России постепенно становится ситуация со свободой слова.

1. "Общественная экспертиза", проведенная в конце 1999 г. и в середине 2000 г. Союзом журналистов России совместно с нашим Фондом, свидетельствует, что в России отсутствуют единое понимание законов в информационной сфере, и во всех субъектах Федерации (а исследованием были охвачены 87 из 89 субъектов Федерации) действуют разные правовые режимы существования прессы."

2. Экономическое положение прессы все больше зависит от ее политической ориентации: проправительственная пресса имеет намного больше шансов выжить, чем пресса оппозиционная и тем более политически нейтральная (под проправительственной прессой понимается здесь пресса, ориентирующаяся не только на федеральную, но и на региональную верховную власть).

3. Политический нажим на прессу проявляется в формах экономического налогового, псевдоправового принуждения, когда, например, неугодную радиостанцию закрывает не власть, а прямо зависимые от этой власти органы пожарного или санитарного надзора.

4. И без того неустойчивая законодательная база подвергается непрерывным изменениям, вносящим правовой хаос в информационное пространство. Все большая часть деятельности СМИ регулируется законами, не имеющими прямого отношения ни к прессе, ни в широком смысле к информационному пространству (статьи нового Гражданского Кодекса, Закон о лицензировании отдельных видов деятельности, Закон о запрете пропаганды наркотиков и т.д.).

5. Пресса "играет" без установленных этических правил и стандартов. Органы саморегулирования отсутствуют. Последний из инструментов этического регулирования – Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ – ликвидирован в начале июня 2000 года.

6. Непомерно возрастает роль государственных регулирующих органов, в первую очередь Минпечати и его региональных структур.

7. Рынок прессы в европейском понимании этого термина так и не возник, ибо вместо укрепления инструментов рыночного саморегулирования в ход пошли разрушающие зачатки рынка формы политического и экономического принуждения. Причем пресса сама в условиях, когда равенство стартовых возможностей не было установлено, немало этому способствовала.

8. Соблазненные неверно трактуемым понятием "четвертая власть" в условиях неработающих рыночных механизмов, СМИ все меньше ориентируются на формирование и выражение общественного мнения и все больше выражают свою, не

коррелируемую обществом точку зрения или прямо ориентируются на интересы владельцев.

9. Экономика СМИ в связи с этим непрозрачна, ориентирована на неправовые способы финансирования, связанные с получением "черного нала". Достаточно сказать, что из 13–14 тысяч печатных изданий, выходящих на территории России, сертифицированный тираж (т.е. проверенные независимым аудитом цифры распространения) имеют около 200 газет и журналов. То же и с цифрами, характеризующими аудиторию теле– и радиокомпаний. В рекламной составляющей экономики СМИ по–прежнему царит бартер.

10. Журналистская корпорация слаба и неэффективна. Корпоративные связи ослаблены, и личные интересы изданий и отдельных журналистов выше проявления журналистской солидарности, что делает проблематичным сопротивление внешним факторам и в первую очередь государственному давлению на СМИ. Положительные примеры такого рода можно буквально пересчитать по пальцам. Особенно характерен в этом смысле заметный рост судебных исков СМИ друг к другу.

11. Неудивительно, что за последние годы исследования общественного мнения зафиксировали четкую тенденцию: СМИ теряют доверие аудитории.

12. Приход к власти Президента Путина раздразнил аппетит секретных служб к усилению своего присутствия в информационной сфере, к вмешательству в дела отдельных СМИ и журналистов, ко все большему использованию своих людей, технологий и навыков в сфере масс–медиа. что, в частности, подтверждается недавним принятием Концепции информационной безопасности РФ.

13. Трагедия с подводной лодкой "Курск" продемонстрировала и России, и всему миру, насколько ограничена свобода информации, как мало в реальности мы продвинулись в этой сфере с точки предыдущей трагедии – взрыва на Чернобыльской АЭС.

14. Временное сближение интересов СМИ и общества не должно нас обмануть: пресса была возмущена постоянной и безответственной ложью должностных лиц и отчетливыми преференциями, отданными прессе государственной. Ее возмущение совпало с чувствами общества. Увы, боюсь, что это временное явление.

15. Свободный доступ к информации в стране не укреплен законодательно, не имеет традиций и, как это ни печально, не является в общественном мнении приоритетом в перечне свобод и прав.

Едва ли не главным препятствием на пути информации стали органы, предназначенные в развитых демократических странах осуществлять этот доступ на практике: пресс–службы администраций, ведомств и организаций. В абсолютном большинстве эти службы несут функции фильтра, а не функции компаса, всячески препятствуя и гражданам, и журналистам получать полную и объективную информацию о формах, смысле и результатах деятельности своих учреждений.

16. Доступ к судебной информации крайне затруднен. Во–первых, в связи с бедностью судов, зачастую не имеющих элементарных компьютеров, так что даже стороны не могут получить вынесенное судом решение по их делу в течение нескольких месяцев. Присутствие граждан на открытых судебных заседаниях зачастую невозможно, в связи с тем, что из–за нехватки места или по причине неотремонтированности мест судебного присутствия открытые заседания проводятся... в кабинете судьи. Неоднократно зафиксированы случаи удаления с открытых заседаний журналистов, осмелившихся без разрешения судьи вести записи в блокнот или на диктофон, хотя это официально разрешено им ныне действующим законом. В последнее время под

предлогом угрозы террористических актов ограничен доступ граждан даже в само помещение судов.

17. Если считать свободу информации (по русской традиции именуемую свободой слова) неким общественным договором, опирающимся на законы, традиции, навыки и привычки, можно сказать, что из всего необходимого для существования этой свободы набора в реальной жизни России существует только гласность – возможность, зачастую сопряженная с риском, иногда выкрикнуть из толпы, что король – голый, следуя примеру мальчика из сказки Ганса Христиана Андерсена.

Если взглянуть на дело с другой стороны и представить, что свобода слова состоит из гласности (т.е. свободы что–то сказать) и возможности быть услышанным (т.е. воздействия сообщений на действия власти и общественный резонанс), мы опять вынуждены будем констатировать, что только гласность реально существует, ибо попытки, в том числе и законодательные, побудить чиновников исполнять обязанности по реагированию на запросы граждан и выступления СМИ, например, Указ Президента Ельцина от 31 декабря 1993 года "О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию", пока закончились полным провалом.

18. Приход к власти В. В. Путина ситуации со свободой информации улучшить не может, ибо Президент плоть от плоти спецслужб с их традиционным режимом секретности, страхом перед открытостью информации и неспособностью, а главное – боязнью считать информацию единым потоком, не разделяемым на информацию для всех и информацию для руководства.

19. Проведенное еще при Ельцине объединение всех государственных электронных средств массовой информации в единый государственный холдинг, возвращение в государственное управление до 40% печатных СМИ, усиление регулирующей и карающей роли Минпечати, сильнейшее пропрезидентское лобби в новом составе Государственной Думы и ослабление роли региональной власти в Совете Федерации – все это не дает оснований для сколько–нибудь оптимистического прогноза.

20. Следует ожидать новых попыток "усовершенствования" Закона "О СМИ", когда в него под любыми предлогами попытаются протащить положения, позволяющие ввести хотя бы косвенную цензуру под видом борьбы за нравственное здоровье общества или под предлогом борьбы с безответственностью прессы.

21. Следует предположить, что доступ секретных служб к тайне переписки, телефонных разговоров, электронной почте и Интернету будет усиливаться, подкрепляемый подзаконными актами, а может быть, и новыми законами, типа Закона "Об оперативно–розыскной деятельности" – единственного, который представители прессы пытались оспорить в Конституционном Суде, но потерпели решительное поражение.

22. Следует предположить, что положение негосударственной прессы будет ухудшаться и неравенство, столь ярко проявившееся во время трагедии "Курска", где государственному СМИ было оказано явное и недвусмысленное предпочтение в освещении катастрофы подводной лодки, будет усиливаться.

23. Вероятно, продолжится практика свертывания информационного пространства за счет ужесточения правил регистрации, лицензирования, отзыва лицензий и приостановки вещания неугодных компаний, вплоть до прямых угроз, каковыми и следует считать обыск в офисе холдинга "Медиа–Мост", арест Владимира Гусинского, "наезд" налоговой службы непосредственно на НТВ и другие признаки давления на одно из реально негосударственных СМИ. Эта ситуация именно сегодня требует, как мне кажется, отдельной резолюции нашего съезда.

24. Едва ли можно надеяться, что Дума в ее нынешнем составе примет демократическую версию Закона "О свободе доступа к информации". Скорее, его постараются вернуть к декларативному варианту, утверждающему права граждан, но не обязывающего чиновников этими правами руководствоваться. В думских комитетах уже снова ходит проект закона "О совете по нравственности для теле– и радиовещания", с огромным трудом остановленный два года назад.

25. Россия в информационной сфере едва ли имеет основания для оптимизма, тем более что потребность в свободе информации надо заново внушать разочарованному этой свободой общественному мнению.